

— Эти сны снова и снова появляются в моей голове, извилистые, повторяющиеся по кругу, словно никогда не закончатся. Однако каждый раз они обрываются на одном и том же моменте — когда наставник поднимает Цисин Лунъюань, чтобы пронзить меня.

— Он хотел убить меня, и это было всерьёз.

Се Юнь закрыл глаза и вздохнул.

— А что было потом? — мягко спросил он.

— Потом я проснулся у ворот храма Цыэнь, всё тело в синяках и ссадинах, в руке мёртвой хваткой сжимая этот Цисин Лунъюань. В кровостоке клинка застыла кровь, очень много крови, но не моей.

Дань Чао мягко вложил меч обратно в ножны, его взгляд был глубоким и сосредоточенным, словно он созерцал часть своей собственной жизни.

— С того дня я потерял все воспоминания, не знаю, кто я, не знаю, куда идти. Я не понимаю, почему я всё ещё жив. Неужели в последний момент я вырвал меч и убил наставника? Но если так, то как я добрался из Мобэя в Чанъянь? Если же он не умер, то почему не пришёл отомстить мне?

— Я всё ждал его и в конце концов осознал, что если сам не начну искать, у этого дела никогда не будет настоящего конца.

Издали, из травы, донёсся слабый стрекот ночных насекомых, прерывистый, то появляющийся, то исчезающий.

Луна плыла сквозь облака, медленно пересекая зенит.

— Возможно, твою память запечатали с помощью тайного искусства, — тихо сказал Се Юнь. — Возможно, в этом мире есть жестокие тайны, превосходящие твоё воображение, и забвение — лучший способ защиты...

Но Дань Чао покачал головой и сказал:

— Никто легко не откажется от своего прошлого, госпожа Лун. Каким бы неприглядным ни была правда, это доказательство того, что человек существовал.

Дыхание Се Юня слегка прервалось. Дань Чао спрыгнул с верхушки перил, сел прямо и с легким извинением сложил ладони в приветствии.

— Всю дорогу из-за различий между мужчиной и женщиной я не смел обращаться к госпоже напрямую и даже почти не разговаривал. Сегодня, будучи мало знакомыми, позволил себе откровенные речи, многое навязывал, прошу госпожу не винить.

Се Юнь скрестил руки на груди, прислонившись левым плечом к древнему дереву во дворе, смерил Дань Чао взглядом, затем вдруг холодно спросил:

— Мастер, возможно, считает, что командующий Се из Чанъяня и есть ваш наставник?

Движение Дань Чао замерло, он покачал головой:

— Я надеюсь, что нет.

— Почему?

Дань Чао усмехнулся сам над собой.

— Не смейтесь, госпожа, но хотя наставник и хотел меня убить, день за днём, ночь за ночью, звёзды сменяли друг друга, в бескрайней Великой пустыне только он и я зависели друг от друга все эти годы...

— В душе у меня всё ещё остались к нему чувства, и я не хочу, чтобы он был таким... как Се Юнь.

Лицо Се Юня оставалось бесстрастным.

— Госпожа Лун?

...

— Вы правы, — внезапно озарившись улыбкой, сказал Се Юнь, его глаза стали узкими, невероятно доброжелательными. — Уже поздно, мастер, идите пораньше отдыхать.

Се Юнь резко повернулся, собираясь уйти. Дань Чао с недоумением моргнул, почувствовав, что в этих словах что-то не так, но в спешке не придал этому значения:

— Простите, госпожа, у меня остался один маленький неясный вопрос, прошу, подождите мгновение!

Шаги Се Юня замедлились, и он услышал, как Дань Чао сзади искренне произнёс:

— За столом это было неудобно спрашивать, если проявлю бесцеремонность, надеюсь на ваше великодушие — я лишь хочу спросить, как вы, слабая женщина, заточённая в Доме Се, узнали, где находятся школы боевых искусств, такие как Кунтун и Цинчэн, и что они далеко от Цзяннани?

Се Юнь медленно обернулся, встретившись взглядом с Дань Чао.

— Эта малая женщина...

Се Юнь не успел договорить, как в этот момент неподалёку раздался грохот и звук падающих предметов, а затем пронзительный женский крик прорезал небо:

— Привидениеааа!

— Люди! Здесь привидение —!

После нескольких секунд тишины зажглись огни, послышались торопливые шаги, ночные сторожа и ученики закричали в один голос.

Дань Чао и Се Юнь одновременно остолбенели.

Полчаса спустя, внутренний зал Поместья Ковки Мечей.

Дань Чао, Се Юнь и прибывший на шум Чэнь Хайпин сидели в нижней части зала, напротив них, самым последним, был внесён Фу Вэньцзе, его лицо было смертельно бледным.

А на почётном месте Фу Сянжун, закутанная в верхнюю одежду, дрожала, прижимаясь к старой госпоже на руках, несколько её личных служанок внизу рыдали. Одна из них, постарше, набравшись смелости, всхлипывая, сказала:

— Барышня услышала шум снаружи, мы сняли бамбуковую занавеску и увидели ту женскую призрака во дворе на земле... она улыбалась нам... всё лицо в крови...

— Ах! — вскрикнула Фу Сянжун, резко закрыв уши.

— Не бойся, не бойся, детка, — тут же мягко успокоила старая госпожа, затем сердито крикнула на служанку:

— Даже отвечая госпоже, нужно смягчать слова! Откуда столько разговоров о духах и призраках! Наше Поместье Ковки Мечей десятилетиями славится добродетелью, мы поступаем правильно и сидим прямо, какие бродячие духи осмелятся прийти к нам?

Служанка заикаясь оправдывалась:

— Но мы все действительно видели, та женская призрака была одета в погребальные одежды, и выглядела как будто... как будто...

— По-моему, это вы, девчонки, балуетесь, сговорились пугать госпожу для забавы! — старая госпожа в годах была довольно упрямой. — Хватит говорить, ведите их всех в дровяной сарай и запереть, а утром допросить подробнее!

Служанки разрыдались, одни умоляли старую госпожу, другие поползли обнимать ноги барышни, мгновенно поднялась неразбериха. Дань Чао приоткрыл рот, похоже, жалея служанок и желая за них замолвить слово, но не успел заговорить, как вдруг Фу Сянжун пронзительно вскрикнула:

— Призрак есть! Я знала, что это она, эта женщина не может смириться —!

Все вздрогнули, старая госпожа на мгновение опешила, затем поспешно сказала:

— Не говори ерунды!

— Всё именно так! Эта женщина из незнатной семьи влезла к нам, пользуясь тем, что брат её любит, и не ставила в грош свёкра, свекровь и младшую сестру! В конце концов, сама оказалась несчастливой, не смогла родить сына, пнула ногой и умерла на родильном ложе! С тех пор то и дело выходит, чтобы вредить! — Фу Сянжун гневно нахмурила брови, чем больше говорила, тем больше злилась. — На этот раз я обязательно приглашу монахов и даосов, чтобы совершить обряд, и развею её душу в прах!

Старая госпожа в панике успокаивала дочь:

— Потерпи немного, в усадьбе сейчас важное дело, после него сможешь делать какие угодно обряды...

Одновременно срочно приказала:

— Уведите этих служанок! Их плач раздражает меня!

Се Юнь с интересом наблюдал за меняющимся от зелёного к белому лицом Фу Вэньцзе напротив и, насладившись зрелищем, слегка повернул голову:

— Господин Чэнь.

Чэнь Хайпин сейчас испытывал противоречивые чувства по поводу того, что Се Юнь сам заговорил с ним, но после короткой борьбы с собой не удержался:

— А, госпожа Лун?

Се Юнь с улыбкой спросил:

— У этой... малой женщины есть один непонятный вопрос, хотела бы обратиться к господину Чэнь. Та женская призрака, о которой говорит старшая дочь Фу, разве не служанка для постели молодого хозяина поместья?

Он произнёс эти четыре слова — служанка для постели — невероятно естественно и гладко, отчего Дань Чао рядом невольно приподнял бровь, бросив на него взгляд.

— Госпожа проникательна, угадали наполовину, — Чэнь Хайпин вздохнул с грустью. — По правилам мне не следует обсуждать дела семьи тётушки, но о чём говорит двоюродная сестра Фу — это не служанка для постели... а бывшая законная супруга молодого хозяина поместья, которая умерла год назад из-за трудных родов.

Се Юнь сделал соответствующе сочувственное выражение лица и вежливым жестом пальца указал ему продолжать раскрывать подробности.

Оказалось, что молодой хозяин Поместья Ковки Мечей Фу Вэньцзе в юности, практикуя боевые искусства, искадил ци и повредил ноги, с тех пор не может нормально ходить, и в равных по статусу семьях мира боевых искусств было трудно найти ему пару. Старый хозяин поместья, тогда ещё живой, сам сосватал ему девушку из простой семьи. Хотя в её семье не было особого состояния, сама она была цветущей красавицей, мягкой и добродетельной, и чувства между ней и Фу Вэньцзе тоже были очень хорошими. Через год после свадьбы она даже забеременела.

Это должно было стать радостным событием, но несколько врачей, пощупав пульс, сказали, что она носит девочку, и старая госпожа была очень недовольна.

Старая госпожа и раньше не любила эту невестку — большинство родителей считают своих детей лучшими в мире, старая госпожа не была исключением, полагая, что её сыну подошла бы даже принцесса. Эта невестка происходила из бедной семьи, но при этом обладала некоторыми талантами, что уже не нравилось свекрови; более того, сын и невестка очень любили друг друга, сын несколько раз заступался за жену, когда та страдала от придинок свекрови. С точки зрения старой госпожи, это было ничем иным, как тем, что её сын, которого она вырастила с такой любовью, был уведён другой женщиной.

Узнав, что невестка ждёт девочку, недовольство старой госпожи росло с каждым днём, между свекровью и невесткой произошло несколько серьёзных ссор. Как раз в это время беспокойства в семье какой-то врач предложил старой госпоже рецепт, который, якобы, мог превратить девочку в мальчика — если регулярно принимать его до родов, то женский плод может превратиться в мужской, и родится пухлый малыш с нужным достоинством.